

2021-02-05 Газета "Правда". Чувство единой семьи.

Павло Тичина

(1891—1967)

Таких многогранных личностей, поистине — столпов, в украинской советской поэзии, пожалуй, было немного. Такой обширной художественной разносторонности, такому сплетению национального и интернационального, лирического и гражданственного, философского и эпического приходится лишь удивляться.

НО ВРЕМЕНА поменялись, на некогда братской Украине воцарилось мракобесие, националистически настроенные силы и их сторонники не могут простить Тычине его исключительную советскость, партийность, преданность советскому строю и Коммунистической партии, о которой он написал ещё в далёком 1933 году ставшее программным стихотворение «Партия ведёт». Правда, власти не переименовали проспект Тычины в Киеве, продолжает действовать там и музей-квартира поэта, не отказались от его имени и в Уманском государственном педагогическом университете. Уж слишком значимо имя поэта для страны.

Интерес к таким фигурам, как Тычина, у образованных людей неизменен уже хотя бы потому, что через творчество поэта можно изучать время — непростое, необыкновенно величественное. Крупнейшего мастера слова, поэта с большой буквы, которого ещё при жизни ставили в один ряд с В. Маяковским и С. Есениным, Я. Купалой, Г. Табидзе, П. Нерудой, П. Элюаром, Л. Арагоном. В последних числах января исполнилось 130 лет со дня рождения настоящего классика всей многонациональной советской литературы, коим был, есть и навсегда останется Павло Григорьевич Тычина.

Следует упомянуть и о том, что Пабло Неруда, встречаясь с украинцами, просил называть себя Павло Нерудой, так глубоко уважал Тычину, а Маяковский читал его стихи по-украински на память. Дружеские чувства питали к Тычине Назым Хикмет, Витезслав Незвал, Шон О'Кейси. Ещё в далёком 1935 году, когда Тычина был делегатом Международного антифашистского конгресса в Париже, он встречался с Анри Барбюсом, Полем Вайяном-Кутюрье, Жан-Ришаром Блоком, Луи Арагоном, а в Берлине подолгу беседовал с живописцем Георг-гом Гроссом.

Первый польский рецензент книг украинского поэта, в будущем классик польской литературы Ярослав Ивашкевич, в 1922 году писал: «Характерной чертой Тычины является сочетание элементов, взятых непосредственно из языкового и духовного уклада украинского народа, и элементов очень сильной литературной культуры, которая основывается на знакомстве с французскими и русскими символистами. Оба эти фактора, соединяясь, дают произведения исключительной силы и свежести...»

Знал о Тычине и Максим Горький. В 1927 году пролетарский классик из Италии написал ему такое письмо: «Сердечно благодарю Вас, Павел Григорьевич, за присланную книгу, очень тронут любезностью Вашей. Знаю я Вас давно, мне много и нежно — как он изумительно умел говорить о людях — рассказывал о Вас М.М. Коцюбинский, читал некоторые Ваши стихи. Затем я читал — по-украински — «Вместо сонетов», — забыл великорусский титул книги...

Крепко жму руку Вашу. Желаю Вам душевной бодрости, здоровья. Не думаете ли писать прозу? Мне кажется, что и тут Вы явились бы новатором.

Ещё раз — спасибо!

А. Пешков».

Горький узнал о Тычине от великого украинского писателя-демократа Михаила Коцюбинского, автора таких известных произведений, как «Фата Моргана», «Интермеццо», «Тени забытых предков». Коцюбинский приглашал юного семинариста Тычину в свой черниговский дом на «субботы», собиравшие лучшую творческую молодёжь города. Здесь читались не только новые стихи и рассказы, но и происходило знакомство с нелегальной марксистской литературой. А сам Коцюбинский внушал своим молодым слушателям мысль о том, что литература должна стать орудием в борьбе народа за счастье и свободу. Тогда-то маститый украинский прозаик и обратил внимание на талантливого юношу, а однажды на одном из вечеров и прочёл его стихи об убогой доле крестьянина-бедняка «Расскажи, расскажи ты мне, поле...». О них он и поведал Горькому, навещая его на Капри.

В СВОЕЙ автобиографии в 1959 году Тычина писал: «За связь с Горьким и Коцюбинским мне угрожало увольнение из семинарии. От увольнения защитил меня ректор семинарии Баженов — потомок великого архитектора Баженова, автора реконструкции Московского Кремля. Ректор Баженов благоволил ко мне как к регенту семинарского хора. <...>

Таким образом, я удержался в семинарии, а на «субботы» к Коцюбинскому ходил по-прежнему, но, конечно, с предосторожностью. «Субботы» очень много дали мне, особенно в творческом отношении».

Между прочим, учась в семинарии, Тычина встретил ещё одного человека, о котором помнить будет всю жизнь. Это большевик-ленинец, один из организаторов Октябрьской революции Николай Подвойский, служивший там преподавателем. Он произвёл на юного Павла сильное впечатление и помог многое осознать: «Самые светлые воспоминания храню я в своём сердце о Николае Ильиче Подвойском! Моего воспитателя (я его только так и могу назвать) встретил я на самом раннем пути своего детства, когда ещё только-только начинало формироваться моё отношение к людям, моё уразумение труда».

Окончившего Черниговскую семинарию Тычину рекомендовали в Академию художеств, но не хватало денег на билет до Петербурга, а помощи ожидать было неоткуда: Коцюбинский умер, не стало и отца, а мать постоянно болела. И тогда он поступает в Киевский коммерческий институт, учится и работает то техническим секретарём в педагогическом журнале «Світло», то помощником хормейстера в театре Микола Садовского, то в статистическом управлении. Тогда же в журнале «Світло» и в газете «Рада» публикуются его рассказы, в которых ощущалось влияние Коцюбинского; продолжает Тычина писать и стихи. Несколько стихотворений, увидевших свет, свидетельствовали о том, что появился поэт не просто талантливый, но и самобытный, творчество которого было проникнуто ожиданием революционных изменений.

И они пришли. Тычина становится вдохновенным их певцом. Уже весной 1917-го, когда Февральская революция смела ненавистный поэту царский режим, он пишет свою «Думу о трёх ветрах», где в аллегорической форме предрекает приход весны человечества, а в стихотворениях «На отвесных скалах...», «Вдоль по степи...», «Дитя шло за хлебом...», в поэме «Звон золотой» обличает политику Временного правительства.

Во время октябрьских событий в Петрограде и в годы Гражданской войны на Украине Киев он не покинул. Ему были глубоко ненавистны гетманцы, не по дороге поэту было и с деятелями Центральной рады и Директории, за ним охотились денкинцы. Не будучи большевиком, он был твёрдым сторонником Советской власти.

В конце 1918 года выходит первая книга Тычины «Солнечные кларнеты». В ней он прославляет революционные преобразования нового мира — свободного, где возможны равенство и братство. И в то же время это сборник стихов лиричных, наполненных душевностью, дышащих любовью к земле, женщине, матери. Это была уже поэзия высокого класса, убеждавшая, что автор не стихотворец средней руки, а поэт с тонким, философичным пониманием мира, способный мыслить широко, не размениваясь на мелочи.

СО ВРЕМЕНЕМ удивительный, неповторимый талант Тычины как поэта получает дальнейшее развитие. Он растёт и как нежнейший лирик, и как поэт-трибун, громогласно воспевавший необъятный мир революции и народной власти, пришедшей вместе с ней, заявивший, что эпоха обязывает поэта писать «реалистическим языком, материальными нескрытыми словами», и как философ. Глубина его мышления, позволявшая ему мыслить сложными категориями и приходившая порою к очень

интересным, неординарным умозаключениям, прослеживалась ещё в совсем молодые годы, когда он писал письма Кнуту Гамсуну и вёл заочные философские споры с Рабиндранатом Тагором. «Целую вселенную вмещавшая», по словам самого Тычины, была его душа и внутренний мир, собственно позволившие ему стать такой многогранной личностью. Потому-то и поэтика его столь многообразна.

В зрелые годы поэта знавшие его люди поражались широте ума и энциклопедическим знаниям Тычины. Он мог свободно и содержательно беседовать на самые различные темы, будь то математика и физика, астрономия и проблемы развития реального производства, история и культура, искусство и литература, философия и эстетика. Помимо украинского, русского, белорусского, воспринимавшихся им, как родные, он владел ещё десятком языков. Тычина говорил и читал на армянском, грузинском, турецком, азербайджанском, башкирском, татарском, болгарском, польском, немецком, литовском и других языках. Это помогло ему переводить Х. Ботева, И. Вазова, О. Ованесяна, О. Туманяна, А. Акопяна, Д. Гурамишвили, И. Чавчавадзе, В. Пшавела, Г. Табидзе, К. Хетагурова, С. Нерис, А. Венцлова, К. Донелайтиса и других.

Мариэтта Шагинян, вспоминая о знакомстве с оставившим ей автограф на армянском и грузинском языках Тычиной в начале 20-х годов минувшего столетия, отмечала любопытство украинского поэта «к становлению нового мира на земле, к языкам и культурам братских народов...».

Широта же интернационального кругозора нашла наглядное выражение и в его статьях, посвящённых классикам отечественной и мировой литературы, оригинальность построения и стиля которых дали основание литературоведу, академику АН УССР и АН СССР А.И. Белецкому отнести некоторые из них к своеобразным «поэмам в прозе».

Недаром же знаменитая тычиновская формула «Чувство семьи единой», ставшая крылатым выражением, бывшая в советские годы не просто на слуху, но и использовавшаяся в агитационных целях, в повседневной работе самого поэта воплощалась полно и страстно. Скажем, прибыв осенью 1941 года в Уфу, он начинает изучать башкирский язык и литературу, а через год на трёх языках — русском, башкирском, украинском — выйдет его книга-исследование «Патриотизм в творчестве Мажита Гафури», ставшая одной из самых глубоких и ценных работ, которые имели цель освятить жизнь и творчество классика башкирской и татарской литературы. Наследие и современное состояние любой из братских литератур СССР были для Тычины заботами своими, кровными.

И КОЛЬ уж заговорили об искренней любви Тычины к братским народам, выразившейся в знаменитом стихотворении 1936 года «Чувство семьи единой», то следует сказать, что это чувство, вместе с уверенностью в необходимости поддержания постоянной дружбы народов, жило в нём всегда. Ещё в 1929 году он писал: «Когда сходятся народы — что может быть лучше? Когда встречаются культуры — какой же там высекается огонь? Высекается приязнь, и на давних надеждах и мечтах вырастает дружба».

В этом прекрасном стихотворении, давшем название сборнику стихов, за который поэт был удостоен в 1941 году Сталинской премии первой степени, он писал:

Я сторонюсь чужих

и чуждых

Болот, трясин

и мелких бродов;

Сияет радугою дружбы

мне единение народов.

Оно такой встаёт

вершиной!

Оно таким дыханьем

дышит!

Ударишь громом

в сердцевину —

и гром другой в горах

услышишь.

И гром другой

взрывает дали

и радуешься, молодея,

что встала радуга

из стали,

сердца народов

дружбой грея.

(перевод Н. Брауна)

Эти сравнения с радугой и громом, а дальше Тычина будет говорить о «глубинах языка чужого», он объединит и покажет философскую и сугубо гражданскую значимость общих для разных народов объединяющих скреп. Основной такой скрепой поэт считает язык. «Хоть слово сказано иначе, но суть в нём наша остаётся». В этом он видит главное завоевание его эпохи, в которой утверждались социалистические отношения между народами. И Тычина, как поэт национальный, прекрасно знал и понимал, что в Советском Союзе в то великое сталинское время не было унификации, национальное не отбрасывалось в сторону. Но в том-то и была суть национальной политики, что через национальное народы приходили к общему, интернациональному, сближавшему их в единую социалистическую семью.

То не язык, не просто

звуки,

не слов блуждающие

льдины,

в них слышен труд,

и пот, и муки —

живой союз семьи единой.

Чувство семьи единой, бывшее для Тычины важнейшей составляющей его мироощущения, проявилось и во многих других произведениях как довоенного, так и послевоенного периода. Уже названия говорят сами за себя: «Давид Гурамишвили читает Григорию Сковороде «Витязя в тигровой шкуре» (о встрече грузинского поэта и украинского мыслителя), «Детство Ованеса» (об армянском поэте О. Туманяне), «Моим избирателям» (о том, как Тычине, гостившему в юрте великого казахского поэта и акына Джамбула, доставили телеграмму о том, что он выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета УССР), «Тамара Абакелия работает над памятником Лесе Украинке» (о работе грузинской художницы над памятником украинской поэтессе) и другие.

Добавлю, что мастер неоднократно писал и «портретные» стихи. Так в его творчестве появились произведения об А. Пушкине, о Н. Гоголе, об И. Франко, о Н. Асееве, Н. Подвойском, С. Ковпаке, об А. Шовкуненко (украинском советском художнике-живописце), об И. Паторжинском (украинском советском оперном певце), о Леонардо да Винчи, Р. Тагоре и других.

Всенародное одобрение получило его стихотворение «Партия ведёт».

Так пускай себе,

как знают,

сумасшествуют,

сдыхают, —

нам своё творить:

яму выроем большую

для буржуев, — всех

буржуев

будем, будем бить!

будем, будем бить! <...>

Оживляем горы, воды,

расширяются заводы, —

не пойдём мы вспять!

Слава пятилеток наших

для пустынь, каналов,

пашен —

как родная мать,

собственная мать. <...>

Против всех преград

надёжен

порох нашей молодёжи —

помощь нам идёт:

дети большевистской эры,

пионеры, пионеры...

Партия ведёт,

всех она ведёт.

(перевод Н. Ушакова)

История же всенародной известности этого стихотворения такова. Решив посвятить целый номер Советской Украине, редакция газеты «Правда» организовала специальную бригаду, выехавшую в Харьков, бывший тогда столицей УССР. По инициативе члена редколлегии М.Е. Кольцова, поддержанной первым секретарём ЦК КП(б)У С.В. Косиором, журналисты обратились к Тычине, который предложил им уже написанное стихотворение.

Редакция «Правды» высоко оценило его, и оно было 21 декабря 1933 года напечатано на украинском языке, а передовая статья газеты вышла под заголовком «Партия ведёт». В статье этой говорилось: «Большой поэт сегодняшней Советской Украины Павло Тычина, человек беспартийный (в партию поэт вступит в мае 1944 года. — Р.С.), правильно подметил основное условие одержанных побед. «Партия ведёт» — так называется его стихотворение, напечатанное сегодня в «Правде».

По форме своей стихотворение «Партия ведёт» следует считать массовой песней на большую политическую и гражданскую тему. Стремительно летящие в нём строфы предельно точно, выразительно, зажигательно выразили главную идею эпохи о неразрывном единении партии и народа. С особым восторгом поэт преподносит читателю радость от свершившегося факта победы социализма, одержанной под руководством ленинской партии, но при этом призывает продолжать бороться и бить буржуев. Призыв этот с повестки дня снят не был.

СИМВОЛИЧНО и то, что Тычина в своём творчестве обращается к бессмертному образу Ленина. В написанном в 1931 году стихотворении «Ленин», а наброски его, по признанию поэта, он сделал ещё в 1924 году, сразу после кончины вождя, Тычина клянётся быть по-ленински непримиримым ко всем врагам социализма и не оставаться в стороне от происходящих в стране событий.

Ленин!

Одно только слово,

а мы уж как буря —

готово!

Наляжем всей грудью,

усилим нажим,

и сразу глушим, и крошим,

и крушим. <...>

И вот он умер.

Стаей жадной

враги крадутся —

нэпачи.

Клянёмся клятвой

беспощадной,

что всех врагов зажмём

в клещи.

(перевод П. Карабана)

Напишет о Ленине Тычина и через тридцать лет. В 1961 году из-под его пера выйдет стихотворение «Ленин идёт на шевченковский вечер (в Кракове 1914 года)». Но это будет уже не призывное произведение. В нём мы не увидим клятв и заверений, оно написано совершенно в другой манере и с иными намерениями. По сути Тычина погружает нас в исторический экскурс, рассказывая о нахождении Владимира Ильича в Кракове и его раздумьях о судьбе украинского народа, о роли Шевченко в связи со столетним юбилеем со дня его рождения. Тогда праздновать эту дату запретили. По сему поводу Ленин подготовил проект речи «К вопросу о национальной политике», которую должен был произнести в Государственной думе депутат-большевик, будущий всеукраинский староста Г.И. Петровский (в связи с тем, что в мае 1914 года левые депутаты были исключены из Думы на 15 заседаний, сделать это не удалось).

Так, идя по Кракову, Владимир Ильич говорит Надежде Константиновне слова, которые всецело раскрывают его отношение как к украинскому, так и ко всем другим народам, бывшим бесправными при самодержавии:

Да вот... и сама ты ведь

знаешь:

Шевченко был сын

бедняка,

скликал он к восстанью

бесправных...

Прославить его бы

в веках! <...>

Они украинцев поносят,

поближе, мол,

Австрия им,

а сами гневят Украину

руиной и гнётом лихим...

Так кто же мешает

в России

язык украинский понять,

обнять, полюбить

украинцев,

не клинья им в душу

вбивать!

(перевод П. Жура)

Великая Отечественная война поставила перед Тычиной самые суровые вопросы бытия. Ему было за пятьдесят и пришлось эвакуироваться в Башкирию. Голос и слово поэта продолжали сражаться. Однако поэтическое оружие пришлось оттачивать, дабы придать ему публицистичность и лирико-философский настрой. А главным героем поэзии Тычины огненных лет становится народ. Патриотические призывы, обличение фашистского человеконенавистничества, обращение к товарищам и соратникам поэт неизменно связывает с темой народа, его судеб, прошлого и будущего.

Об истерзанной врагом Отчизне, об украинских землях, о народных бедах, о мужестве, твёрдости и силе советского воина и беспощадной ненависти к врагу думал он, когда писал такие очень сильные в их эмоциональном градусе: поэму-думу «Похороны друга» и стихотворения «Голос матери», «В бессонную ночь», «Весна».

Вобрав в себя всю боль и скорбь и переплавив их в ненависть в «Весне», поэт призывает:

Пускай тот крик в твоей

душе немые

пробудит струны:

мщение и гнев

пускай звучат!

Не плач Иереми,

а богатырской ярости

напев!

(перевод В. Дынник)

Велик смысловой накал в стихотворении «Мой народ». В него поэт верил безгранично, ибо силы народные неиссякаемы:

Сегодня народ мой,

в огне сраженья

жадного зверя в прах

повергая,

прорывается танком

через все рубежи!

Брат мой, слушай —

великие силы,

что плещут в народе

до самого края,

с ясным солнцем

освобожденья

в мою заалевшую душу

победой вложи!

(перевод О. Колычева)

Осенью 1943 года, в дни, когда развернулось невиданное по масштабам наступление Красной Армии, изгонявшей фашистскую нечисть с Советской земли, в газете «Советская Украина», вышедшей в недавно освобождённом Харькове, было напечатано стихотворение Тычины «Я утверждаюсь», пафос которого выстрадан и глубок, поэт говорит от лица всего советского народа, от каждого человека, от всех, кто карает ненавистного врага:

Я есмь народ, — народной

Правды сила

покорена вовеки не была.

Меня беда, чума меня

косила,

а сила снова расцвела.

Живу без спросу, вольно

жить желая,

и, чтобы жить, — все цепи

разорву.

Я утверждаюсь,

подтверждая,

что я живу.

Тевтония! Меня ты

пожирала,

ты вешала, ты жгла

моих детей!

Железо, хлеб и уголь

воровала

в безумной ярости твоей.

Ты думала — пожрешь

меня такая, —

но, подавившись, падаешь

в траву...

Я утверждаюсь,

подтверждая,

что я живу.

(перевод Н. Ушакова)

Этот поэтический, призывный манифест, который Тычина завершал словами: «Фашизм, дрожи, дрожи! Уж гробовая/ плита перед тобою наяву...», имел огромное эмоционально-психологическое значение. Поэт обращался к народу: мы утвердились, мы живы, мы гоним врага с нашей земли, за нами Правда, и не случайно он называет её с большой буквы. Так вдохновенно выражать всенародные мысли и чувства мог не просто поэт-трибун, а поэт-философ с широчайшим поэтическим диапазоном и гражданин, связанный со своим народом неразрывными узами.

В ПОСЛЕВОЕННЫЕ годы выходит целый ряд его поэтических сборников: «И расти, и действовать», «Могущество дано нам», «Мы — совесть человечества», «К вам, юные, мой чистый голос», «Расти, прекрасный мир», «Коммунизма дали видны», «В серебряную ночь».

Писал Павло Григорьевич к тому же стихи и сказки для детей. Подготовлен поэтом был и в 1952 году выпущен сборник публицистических и критических работ «В армии великого стратега». После смерти поэта выйдут также сборник «В сердце моём» и поэма-симфония «Сковорода», поразившая читателя новым философским взглядом на философа и поэта, глубиной и искренностью, отточенным мастерством, неиссякаемой изобретательностью поэтической мысли.

Написанные в 1949 году Тычиной стихи «Живи, Украина, прекрасная и сильная» становятся Государственным гимном УССР.

Сражаясь с недругами с открытым забралом, радуясь успехам социалистического Отечества, ратуя за мир, в последние годы жизни Тычина поднимал в том числе и сложные философские вопросы, может быть, понимая, что оставить после себя должен вещи, к которым потомкам следует обращаться всегда.

Он прославлял эпоху социализма и тогда, когда писал о космосе. Так, в стихотворении «О космос, ты великий наш...» Тычина сказал очень меткие, ёмкие слова:

Дороги беспокойные

Легли в простор

космический.

Мы — сыновья, достойные

Эпохи героической.

(перевод Ю. Саенко)

Тычина, отдав творчеству более полувека, всегда ставил перед собой большие идейные задачи и старался искать оригинальные формы выражения, но это не мешало ему быть лириком, при этом лирика его была и художественна, и мелодична, ведь он занимался и живописью, и имел музыкальный опыт. Потому-то поэзия Тычины и была такой своеобразной, колоритной, сочной, мелодичной и глубокой, интеллектуальной, зовущей...

Вспоминая поэта, нельзя не сказать о его многолетней научной, общественной и государственной деятельности. Как он сам писал, «по общественной линии начал я работать ещё в Харькове, где дважды избирался депутатом горсовета, был избран кандидатом в члены Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета». С 1938 года и до конца жизни Тычина был депутатом Верховного Совета УССР, избирался он туда семь созывов подряд, начиная с первого. С 1953 по 1959 год был Председателем Верховного Совета УССР. Четыре созыва он был депутатом Верховного Совета СССР, избирался заместителем Председателя Совета Национальностей. Ряд созывов избирался членом ЦК Компартии Украины.

С 1929 года он действительный член Академии наук УССР. Работал Тычина также и директором Института литературы АН УССР, а в период войны — директором Института литературы и языка АН УССР, располагавшегося тогда в Уфе, а позже в Москве. В 1943 году он был назначен наркомом, впоследствии — министром просвещения УССР. Проработав в этой должности до 1948 года, он много сил отдавал делу восстановления разрушенных в годы войны школ, налаживанию выпуска учебников, подготовке практических рекомендаций по педагогике.

СОВЕТСКОЕ государство высоко оценило творческую и общественно-государственную деятельность Тычины. Он удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда, награждён пятью орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.». Помимо Сталинской премии, Тычина стал и лауреатом Государственной премии УССР

имени Т.Г. Шевченко.

В автобиографии, датированной 1959 годом, мастер в последнем абзаце написал:
«Заданием своим ставлю — в песнях и стихах прославить родную партию, прокладывающую путь в светлое будущее; воспеть героический труд советских людей, строителей коммунизма, мечту трудящихся земного шара — жить в дружбе и отстаивать мир между народами!»

Это задание Павло Тычина, родившийся в небольшом селе на Черниговщине в большой и бедной семье дьячка, певший в церковном хоре, окончивший бурсу и духовную семинарию, прошедший через крайнюю нужду, но всегда стремившийся к светочу знаний, и, будучи наделённый уникальным талантом с резко выраженным индивидуальным своеобразием, творивший и служивший во имя Родины и народа, выполнил до конца. Давайте же не забывать этого по-настоящему великого художника-творца.